

Новая газ. —

О Вадиме Руденко, Денисе Мачуеве, Николае Луганском говорят: «Это век нового пианизма». Молодые и успешные, талантливые и востребованные, все трое — ученики профессора Московской консерватории Сергея Доренского. Доренский умеет выбирать учеников — все они становятся лауреатами Конкурса имени Чайковского и срывают овации на гастролях по всему миру. Николай Луганский выступал более чем в 150 городах мира. Сегодня большинство его концертов проходит за рубежом.

— Говорят, в шахматах вы часто обыгрываете Князева. В музыкальном дуэте нет места соперничеству. А на концерте вы всегда чувствуете, что правильно интерпретируете произведение?

— Я должен быть уверенным в себе на концерте, но, честно говоря, я бы не сказал, что это всегда получается.

— Когда вы слушаете записи известных пианистов — узнаете руку?

— Если это великий пианист: Рахманинов, Микеланджели, Рихтер, Николаева, Плетнев, — думаю, что всегда определю. Хотя не проводил такого эксперимента.

— Вы играете в основном классическую музыку XVIII, XIX и первой половины XX века. Вы испытываете какую-то ностальгию по прошлому, тоску по дореволюционной эпохе?

— Конечно, я могу восхищаться той или иной эпохой, но личная тоска может быть только по эпохе застоя, которую я видел. Я помню, как мальчиком ходил на концерты Рихтера, Гилельса, Николаевой. С тех пор изменилось очень многое в психологии человека.

Если в 70-е годы человек жил для того, чтобы что-то давать, то сейчас он уже на биологическом уровне приучен к тому, чтобы получать. Если человек идет на концерт, чтобы что-то получить, расслабиться и успокоиться, то это плохой слушатель. Хороший — идет, чтобы вместе с исполнителем создать что-то высокое и значительное.

— Вы верите в это соучастие слушателей?

— Я не просто верю — оно же существует! Важно, чтобы такое отношение к музыке все-таки преобладало. На волне бурлящего энтузиазма 20-х годов прошлого века была внедрена почти на уровне официальной политики идея, что простой человек должен научиться воспринимать симфонии Бетховена. Во многом это было наивно, где-то вульгарно, но сама идея была правильной: человек должен работать над собой, совершать усилие, чтобы приобщаться к высочайшим проявлениям

В Европе журналисты одолевают его намного чаще, чем в Москве. На каком же языке он дает интервью? Отвечает как само собой разумеющееся: «Во Франции — на французском, в Германии — на немецком, в Англии — на английском». На последнем концерте в Большом зале консерватории Николай Луганский играл в дуэте с виолончелистом Александром Князевым сонаты Брамса, Шостаковича, Рахманинова. Музыканты подружились, играя в шахматы. Как-то, сидя за партией, они подумали: а почему бы им не сыграть и в музыку?

человеческого духа. Такой политики сейчас нет, человек чисто психологически уверен в обратном. Он заплатил деньги и за это должен что-то получить. Но в лобом зале я чувствую людей, которые вместе с исполнителем отдают себя.

— Какая музыка вам ближе: та, в которой есть сюжет, четкое время — например, когда идет явный диалог двух тем, — или такая, в которой время как бы отсутствует и нет определенной направленности?

— Интересный вопрос. Безусловно, есть музыка, в которой время очень направленно, где присутствуют развитие темы и кульминация; а есть музыка, в которой оно практически не ощущается. Это симфонии Брукнера, например, — там уже нет музыкального времени, к которому мы привыкли в музыке Бетховена или Чайковского. Есть фрагменты произведения, которые существуют в пространстве, почти не развиваясь. Это есть у Сибе-

Справка «Новой»

В 1988 году пианист Николай Луганский стал лауреатом Международного конкурса им. И.С. Баха в Лейпциге, в 1990-м — лауреатом Всесоюзного конкурса им. С.В. Рахманинова в Москве, в 1994-м победил на Международном конкурсе им. П.И. Чайковского. В 2003-м — приз немецкой критики за запись концертов Рахманинова.

лиуса; у Рахманинова бывают моменты такой красоты, которая почти останавливается. Вы об этом спрашивали?

Композитор, который наиболее ярко выразил, что такое направленное время, — Бетховен, но даже в его произведениях встречаются потрясающие примеры остановки.

— Кажется, это есть в Девятой симфонии?

— Да, в третьей части.

— На финал этой симфонии совершенно точно ложится стихотворение Мандельштама «Ода Бетховену».

— Это только подтверждает, что музыка вмещает в себя все.

— В вашей игре отмечают поэтичность, тонкость и бережное отношение к тексту. И часто пишут, что вы интеллигентный музыкант. У такого человека хочется спросить: существуют ли нравственные авторитеты в современном российском обществе?

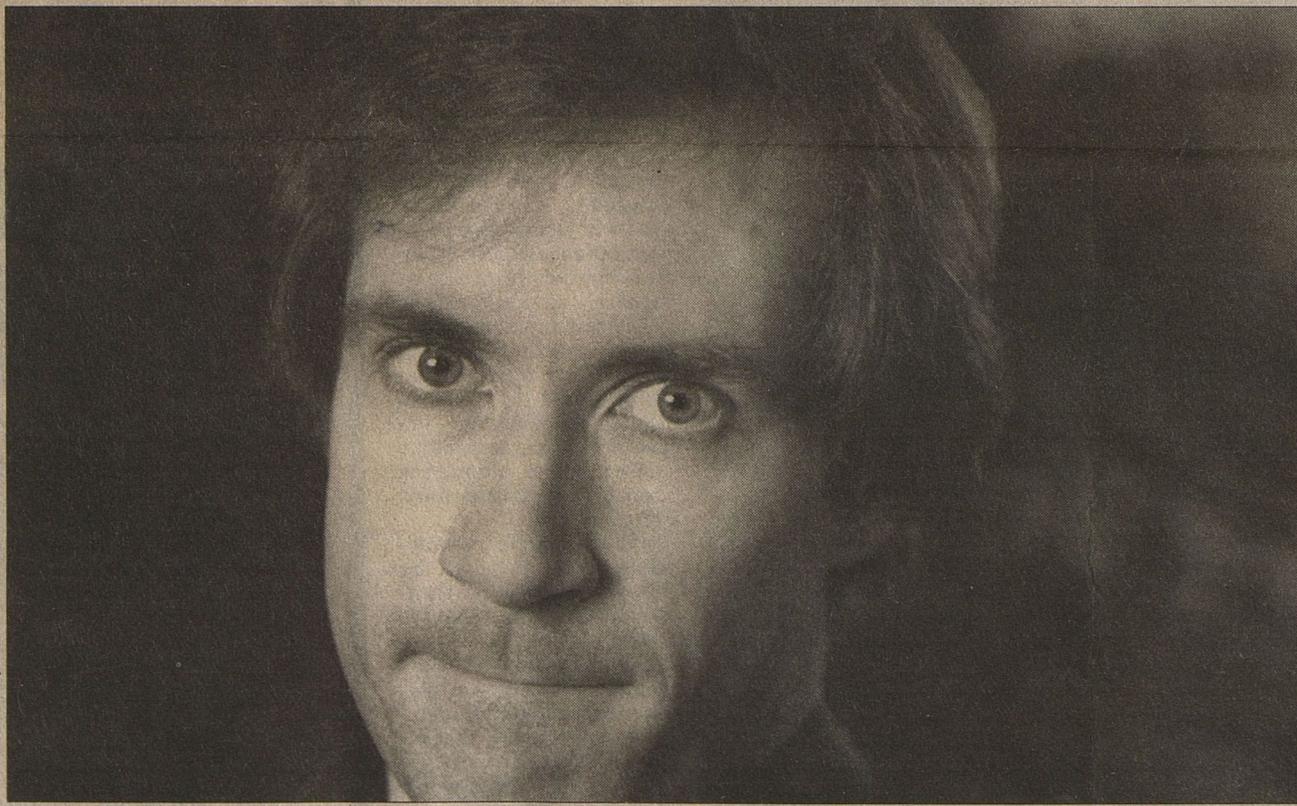
— Назвать нравственных авторитетов нашего времени я не могу. Конечно, должны быть личности, мысль о которых греет душу. Для меня такой человек — Александр Иванович Ермаков, усилиями которого была восстановлена усадьба Рахманинова в Ивановке.

Может быть, сегодняшнее время отказывает нам в праве на утверждение нравственных авторитетов. Они опасны для устройства современного общества, они могут нарушить механизмы рыночной экономики. Вся деятельность телевидения, радио, газет направлена на то, чтобы такой лидер не появился.

● Анна ЭПШТЕЙН

Не стреляйте в пианиста — он тоскует о застое

Николай ЛУГАНСКИЙ:
«Хороший слушатель — соучастник»

Виктория ИВЛЕВА

Виктория Ивлева
21.03.04
297